

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/19986645/76/12

«Зараженное семейство» Л.Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос»

Ирина Федоровна Гнусова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. В статье доказывается, что интеллектуальный и нравственно-философский пафос романа Дж. Элиот «Ромола», написанного на историческом материале, мог стать для Л.Н. Толстого стимулом для создания комедии «Зараженное семейство». Утверждается, что Толстой ведет скрытую полемику с английской писательницей по вопросу о предназначении женщины, используя тот же сюжет несчастливой замужества. Анализируется влияние образов Элиот на художественную реализацию «женского вопроса» в дальнейшем творчестве Толстого.

Ключевые слова: Дж. Элиот, Л.Н. Толстой, «женский вопрос», нигилисты, комедия

Для цитирования: Гнусова И.Ф. «Зараженное семейство» Л.Н. Толстого и «Ромола» Джордж Элиот: два ответа на «женский вопрос» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 76. С. 264–281. doi: 10.17223/19986645/76/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/76/12

Leo Tolstoy's *The Infected Family* and George Eliot's *Romola*: Two answers to the “woman’s question”

Irina F. Gnyusova

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
irbor2004@mail.ru*

Abstract. The aim of the study is to prove that the intellectual and moral-philosophical pathos of George Eliot's novel *Romola* (1862–63), written on historical material, could have become a stimulus for Leo Tolstoy to create the comedy *The Infected Family* (1863–64). Eliot's novel was published in September–December 1863 in the *Zapiski Otechestva* [Notes of the Fatherland] journal. The edition of *Romola* of 1863 in English, stored in the Yasnaya Polyana Library, confirms the fact of reading. There are marginalia in the edition, the belonging of which has not been

unambiguously established. It is noteworthy, however, that most of them are associated with the description of the personality and beliefs of Girolamo Savonarola, the historical person who is one of the main characters in Eliot's novel. Tolstoy was well acquainted with the religious and political ideas of Savonarola. An additional argument in favour of the writer's acquaintance with *Romola* is that the novel was based on historical material, and the writer began preparations for work on *War and Peace* in the autumn of 1863. The author of the article tries to prove that both *Romola* and *The Infected Family* became a space to express the writers' views on the role and vocation of women. Following Eliot, Tolstoy makes the center of his comedy the plot of the heroine's unhappy marriage and shows the struggle of ideas that unfolds around her. The fate of Romola, who is looking for her mission, is embodied here in two heroines – Lyubochka, the puerile daughter of the landowner, and Katerina Matveevna, the satirically depicted nihilist. The character of Lyubochka is the “focus” of the plot action: it is her marriage that opens the eyes of the characters to the true appearance of the “new people” and leads to a partial recovery of the Pribyshev family from the “infection”. It is assumed that Lyubochka could approach the characteristic Tolstoy type of perfecting heroine, but this potential of the image was not realized in the comedy. An essential basis for comparing the two works is the plot of the escape of a young woman from home, caused by the heroine's disappointment in her chosen one. Tolstoy embodies it in the character of Katerina Matveevna. In the finale, the writer shows that the heroines, carried away by new ideas, are equally unhappy, they have no life purpose and prospects. However, Eliot in her novel suggests a different ending: caring for people, outside of the family or any religious and social theories, becomes Romola's life purpose. The study shows that Tolstoy could not accept the self-realization of the heroines in the social sphere: any woman's aspiration for work outside the family circle was an object of ridicule for him at that moment. At the same time, the writer does not express a clear position on what the purpose of a woman should be. This incompleteness could be the reason why Tolstoy did not complete the comedy, but returned to the concept of the epic novel *War and Peace*. At the end of the study the author concludes that Tolstoy's reading of *Romola* could further the implementation of his key ideas. The writer's latent polemic with George Eliot on the question of the mission of women will continue in *War and Peace* and in *Anna Karenina*.

Keywords: George Eliot, Leo Tolstoy, “woman's question”, nihilists, comedy

For citation: Gnyusova, I.F. (2022) Leo Tolstoy's *The Infected Family* and George Eliot's *Romola*: Two answers to the “woman's question”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 76. pp. 264–281. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/76/12

Проблема предназначения женщины является одной из самых важных в творчестве Джордж Элиот. Почти во всех ее произведениях реализуется то, что Б.М. Проскурнин называет «темой драматических духовных поисков женщины в маскулинизированном мире» [1. С. 30]. Не составляет исключения и роман «Ромола» (1862–1863), названный по имени главной героини, которая ищет свое место в жизни в непростое историческое время (конец XV в.). Будучи опубликованным в России осенью 1863 г., роман Элиот оказался созвучен общественным и литературным дискуссиям времени, в центре которых была тема нигилизма и тесно связанный с ней «женский вопрос». Именно весной 1863 г. вышел громкий роман Н.Г. Чер-

нышевского «Что делать?», за год до него – «Отцы и дети» И.С. Тургенева. Той же злободневной проблематике посвящена и неопубликованная комедия Л.Н. Толстого «Зараженное семейство» (1863–1864). Исследователи видят в ней следы прямого отклика писателя на роман Чернышевского¹. Однако, на наш взгляд, в «Зараженном семействе» можно обнаружить еще и отголоски «Ромолы» и даже скрытую полемику Толстого с английской писательницей.

Пристальный интерес к творчеству Джордж Элиот Толстой проявлял на протяжении всей своей жизни. Впервые он упоминает о чтении ее произведений в 1859 г., последний раз – в 1905-м. Дневники, письма, воспоминания современников и, главное, личная библиотека Толстого свидетельствуют о том, что он был знаком практически со всем наследием английской писательницы и высоко ценил его. Факт чтения «Ромолы» подтверждается наличием издания романа 1863 г. на английском языке в яснополянской библиотеке [3]. В издании имеются пометы, принадлежность которых однозначно не установлена. Примечательно, однако, что большинство из них связано с описанием личности и убеждений исторического лица, являющегося одним из главных действующих лиц романа Элиот, – Джироламо Савонаролы, монаха, крупного религиозного и политического деятеля, которого считают одним из предшественников церковной Реформации и даже «первым протестантом»² [4. Р. 69]. Толстой был хорошо зна-

---

¹ Наиболее явно об этом свидетельствует один из вариантов названия комедии – «Новые люди», который перекликается с подзаголовком романа Чернышевского – «Из рассказов о новых людях». Кроме того, бывший семинарист Твердынский изначально носил фамилию Чертковский, а речи главного героя-нигилиста Венеровского Толстой придал «характерный для Чернышевского тон легкой насмешки, хихиканья» [2. С. 391]: большинство его реплик сопровождается повторяющимся «хе, хе».

² Так, например, во второй части романа на полях с двух сторон отчеркнут карандашом отрывок, посвященный анализу противоречивой личности Савонаролы: «But under this particular white tunic there was a heart beating with a consciousness inconceivable to the average monk, and perhaps hard to be conceived by any man who has not arrived at self-knowledge through a tumultuous inner life: a consciousness in which irrevocable errors and lapses from veracity were so entwined with noble purposes and sincere beliefs, in which self-justifying expediency was so inwoven with the tissue of a great work which the whole being seemed as unable to abandon as the body was unable to abandon glowing and trembling before the objects of hope and fear, that it was perhaps impossible, whatever course might be adopted, for the conscience to find perfect repose» [3. С. 244] – «Но под этим аккуратным белым одеянием билось сердце, обладающее самосознанием, недоступным среднему монаху и, возможно, трудным для понимания человека, который не достиг познания себя благодаря бурной внутренней жизни. В этом самосознании роковые ошибки и прегрешения против истины были так слиты с благородными целями и искренними убеждениями, оправдание себя целесообразностью было так сильно вплетено в ткань великой работы, от которой все его существо, казалось, не могло отказаться, как тело не могло перестать пылать и дрожать перед лицом надежды и страха. Так что, пожалуй, было невозможно, какой бы курс ни был принят, полностью успокоить свою совесть» (перевод наш. – И.Г.).

ком с религиозно-политическими идеями Савонаролы¹: он приводит в пример его деятельность в своем труде «Царство Божие внутри вас» (28, 54)², а в 1885 г. советует В.Г. Черткову перевести и издать для народа произведения ряда авторов, среди которых упоминает и флорентийского проповедника. Это письмо также может служить косвенным доказательством знакомства Толстого с романом Элиот, поскольку имя писательницы оказывается в нем сразу после имени Савонаролы – по-видимому, Толстой в этот момент ассоциативно вспоминает о «Ромоле»³.

Еще одним аргументом в пользу знакомства писателя с романом Элиот является то, что он создан на историческом материале, актуальном для Толстого в период формирования концепции «Войны и мира». Жизненный путь героини в романе Элиот неразрывно связан с судьбой Флоренции на рубеже XV–XVI веков, в эпоху Возрождения. Идея создания «Ромолы» родилась у писательницы после знакомства с биографией Савонаролы, и, прямо следуя традициям Вальтера Скотта, она соединяет в системе образов своего романа исторические фигуры и вымышленных персонажей: Савонарола не просто упоминается в тексте – он знаком с Ромолой и влияет на героиню в кризисные моменты ее жизни.

В центр сюжета Элиот ставит ситуацию личного выбора героиней своего пути. В начале повествования Ромола совершенно пассивна: она кропотливо помогает слепому отцу в работе с античной библиотекой, не раздумывая соглашается стать женой красивого молодого грека Тито Мелемы. Смерть отца и вероломство мужа ставят героиню перед необходимостью изменить свою жизнь. Ромола решает бежать из Флоренции, но Савонарола убеждает ее следовать своему долгу перед мужем, Богом и родным городом. Однако вскоре и это пассивное подчинение оказывается неприемлемым для героини: после разочарования в Савонароле она больше не чувствует, что связана какими-либо обязательствами.

В финале жизненной целью Ромолы становится забота о людях, но вне каких-либо религиозных и социальных догматов: по сути, это соответствует собственным религиозным воззрениям Элиот. Таким образом, как указывает Б.М. Проскурнин, героиня «совершает духовно-нравственное “путешествие” в романе, проходя через три принципиальные стадии жизни человека – личностную, семейную, социальную... И это путешествие – основа сюжета» [1. С. 30].

---

¹ Более того, на рубеже XIX–XX вв. нравственно-философские идеи Льва Толстого часто сравнивали с убеждениями Савонаролы: например, в 1912 г. в обзоре новой книги о флорентийском проповеднике цитируется предисловие, написанное автором, итальянским историком П. Виллари: «Это глубокое нравственное чувство (одушевлявшее Савонаролу) является преобладающим и в русской литературе, главным образом в романах Толстого...» (цит. по: [5. С. 383]).

² Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [6] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

³ «Еще Augustin Thierry – его Иоанн Златоуст <...>. Еще François d'Assise и Саванарола. – Есть G. Elliot роман. Кажется, тоже хорошо» (85, 188–189).

Роман Элиот был невысоко оценен первыми читателями как в Англии, так и в России. В предисловии от анонимного переводчика, предваряющем первую часть «Ромолы» в «Отечественных записках» за сентябрь 1863 г., высказывается мнение, что это произведение даже «не есть роман, так как в нем нет сюжета, нет завязки и развязки; это психологический этюд, вставленный в историческую раму», и притом «он местами скучен и утомителен» [7. С. 290]. В связи с этим автор перевода попытался «усовершенствовать» «Ромолу», радикально сократив роман и выбросив «все ненужные сцены и подробности, не относящиеся к уяснению характеров главных лиц» [7. С. 291], в том числе почти весь исторический материал.

Более взвешенную оценку «Ромоле» дал в том же 1863 г. А.В. Дружинин. Рецензия, ставшая одной из последних работ критика, была опубликована в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Сожалея о том, что Элиот вслед за Вальтером Скоттом не создала исторический роман на близком и знакомом ей английском материале, Дружинин тем не менее восхищается ее знанием «тайников и пучин в сердце человеческого» [8. С. 452], т.е. психологизмом романа. Он указывает также на «великую правду» в изображении характеров «как с исторической, так и с художественной точки зрения» [8. С. 452], особо выделяя образ Тито Мелемы.

После публикации в «Отечественных записках» роман «Ромола» выходил в русском переводе еще два раза, в 1891 и 1892 гг., и более не переиздавался¹. «Реабилитация» его произошла позже: в России наиболее фундаментальное исследование «Ромолы» как «исторического романа культуры» [1. С. 32] было предпринято Б.М. Проскурниным в книге «Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот» (2005). Опираясь на работы зарубежных авторов, исследователь показывает, сколь существенный вклад вносит писательница в осмысление научно-исторических и религиозных концепций своего времени. Помещение героини в реалии флорентийской жизни XV в. является фактом не случайным, а, напротив, чрезвычайно значимым для концепции романа, поскольку ее характер «создается на интроспективном скрещении трех духовных сил, столкнувшихся во Флоренции того времени, – языческой, христианской, вне(над)религиозной» [1. С. 32]. Язычество и античная культура здесь воплощены в образах Бардо и Тито, отца и мужа Ромолы, христианство – в фигуре Савонаролы и брата Ромолы Дино, а сама Ромола в финале приходит к «религии гуманности», как и Флоренция и вся европейская цивилизация.

Изображение духовного развития героини в исторический момент борьбы идей, столкновения самых разных религиозных, политических и

---

¹ Исключением является издание романа на английском языке, выпущенное российским издательством «Т8» в 2017 г. При этом описание сюжета «Ромолы» в русскоязычной аннотации к книге абсолютно не соответствует действительности: не упоминая о главной героине, ее авторы указывают, что «Элиот поставила перед собой задачу показать читателю острый момент в истории буржуазии, конфликт между Медичи, покровителями искусств, и Савонаролой, отрицателем гуманистической культуры Возрождения» [9. С. 3].

нравственно-философских парадигм – это то, что, безусловно, должно было привлечь внимание Толстого. Именно в 1863 г. писатель начинает активно изучать материалы для создания «романа из времени 1810 и 20-х годов» (61, 23). В августе 1963 г. он заказывает в книжном магазине целый ряд исторических трудов, а письма за сентябрь – октябрь свидетельствуют о начале работы над «Войной и миром», где тот же путь мучительного выбора и метаний между разными жизненными «программами» пройдут и его герои – Андрей Болконский и Пьер Безухов. Борьба между пассивным приятием жизни, крайним эгоизмом и полной, вдохновенной самоотверженностью будет играть важную роль и в эволюции образа Наташи Ростовской. Однако прежде чем были сформированы эти характеры, Толстой попытался воспроизвести ситуацию идеологического хаоса на современном материале, причем в неожиданно карикатурном виде. Так появляется комедия «Зараженное семейство», которая стала своеобразной подготовкой писателя к «Войне и миру». М.М. Бахтин даже писал об этой пьесе как о «комментарии к эпосе»¹ [10], а Б.М. Эйхенбаум называл ее «шутливой интермедией»² [12. С. 466].

Сам писатель впервые фиксирует факт работы над комедией в письме к сестре Марии Николаевне от 20 января 1864 г.: «Я пишу роман из 12-х годов и теперь комедию» (61, 34–35). 24 февраля он уточняет замысел нового произведения: «...Между прочим написал комедию, кот[орую] хотел поставить в Москве, да не успел перед масляницей, да и комедия, кажется, плоха, она вся написана в насмешку эмансипации женщин и так назыв[аемых] нигилистов» (61, 37).

Что же побудило Толстого прервать фундаментальную работу над романом об Отечественной войне и взяться за произведение «легкого жанра» [12. С. 463]? Дневники писателя свидетельствуют о том, что желание написать пьесу, и именно комедию, «томит» (47, 67) его еще с 1856 г. Повидимому, «женский вопрос» должен был стать одним из центральных в пьесе, по крайней мере в 1857 г. Толстой так конкретизирует свой замысел: «Комедия. Практический человек, Жорж Зандовская женщина и гамлет нашего века...» (47, 111). После этого Толстой на несколько лет откладывает мысль о драматургии, зато в 1859 г. он пишет повесть «Семейное счастье», где решает те же злободневные вопросы о назначении женщины, о выборе между материнством и светской жизнью, супружеской верностью и свободной любовью. По словам М.М. Бахтина, это произведение «полемически

---

¹ В своей комедии, по словам М.М. Бахтина, Толстой «отталкивается... от современности, от ее взбудораженного социального строя... на пороге создания своей исторической эпопеи». И в этом, полагает ученый, и заключается «историко-литературная ценность “Зараженного семейства”» [11].

² «На злободневность Толстой отвечал фарсом. Это возможно было только потому, что план большого романа из эпохи 1812 г. уже определился. <...> ...Отсеяв современность в «Зараженном семействе» и освободившись от элемента шутки, он очистил для себя область иронии более возвышенной и с этим настроением взялся за роман» [12. С. 466–467].

заострено против “Жорж-зандизма” и тех более крайних воззрений на этот вопрос, с защитой которых выступили представители русской радикальной интеллигенции» [11].

В 1863 г. возвращение к идее написать комедию¹ стало, очевидно, реакцией писателя на очередной всплеск общественного интереса к «женскому вопросу», вызванный публикацией романа Чернышевского. Анализируя «Зараженное семейство», Б.М. Эйхенбаум, как и большинство исследователей, приходит к однозначному выводу: комедия Толстого – это «пародия на “Что делать?”» [12. С. 465]. При всей справедливости этого утверждения отметим, что роман Чернышевского вышел в начале 1863 г. и, учитывая его скандальную известность, был явно прочитан Толстым вскоре после этого. К концу года все внимание писателя было поглощено трудами историков. Знакомство с романом Элиот представляется нам более вероятной предпосылкой, поводом для начала работы над комедией: близкий Толстому исторический материал в «Ромоле» активно переплетается с проблемой поиска женщиной своего призвания.

Вероятнее всего, Толстой читал роман Элиот в оригинале, однако первоначальное его внимание могла привлечь журнальная публикация. Во всяком случае, трудно считать совпадением следующий факт: последняя часть «Ромолы» выходит в 151-м номере «Отечественных записок» за ноябрь и декабрь 1863 г., и именно к первым месяцам зимы 1863 г. относят начало работы Толстого над «Зараженным семейством» [2. С. 389]. Обращает на себя внимание и последовательность, которую писатель избирает в изложении тематики своей комедии: он в первую очередь говорит об «эмансипации женщин», а уже потом – «так называемых нигилистов». И хотя было бы натяжкой заявить, что роман «Ромола» посвящен эмансипации, сарказм Толстого вполне мог быть направлен не только на Веру Павловну и ее окружение, но и на пафос Элиот, вкладывающий в уста своей героини слова: «Я должна идти теперь к своему народу; может быть, он нуждается во мне» [14]².

Здесь необходимо уточнить, что окончательная редакция комедии была утеряна, и при этом неизвестно, не требовала ли она дальнейшей доработки

---

¹ Вопрос о том, почему Толстой выбирает комедию как наиболее адекватную форму для осмеяния нигилистов и последователей «жорж-зандизма», до конца не решен исследователями. Е.И. Полякова предполагает, что это могло произойти под влиянием Мольера, комедиями которого писатель увлекался в 1856–1857 гг. (в 1857 г. он еще и активно посещал спектакли по произведениям Мольера в Париже) [13]. Возможно и то, что драматургия привлекала Толстого возможностью не просто описать, но показать «новых людей», заставить их самих, без авторского вмешательства, продемонстрировать нелепость своего поведения и взглядов. Не случайно комический эффект в «Зараженном семействе», как указывает Б.М. Эйхенбаум, достигается почти исключительно за счет языка героев-нигилистов: они говорят «специфическим, сгущенным жаргоном, часто утрированным до крайности и тем самым превращающим комедию в фарс» [12. С. 463].

² Роман Элиот цитируется по публикации в журнале «Отечественные записки» 1863 г. [14], однако все цитаты сверены с оригинальным текстом [15].

(так, например, считал А.Н. Островский¹). Толстой очень хотел поставить комедию на сцене, но не помышлял серьезно о публикации. Когда с постановкой возникли сложности, писатель потерял интерес к «Зараженному семейству», и при его жизни рукопись так и не была напечатана. Черновой же вариант, хотя и достаточно ясно представляет все ключевые характеры комедии, оставляет множество вопросов. Как пишет Ю.И. Красносельская, «финальные сцены “Зараженного семейства” не создают ни комедийного, ни трагедийного эффекта, а скорее производят впечатление сюжетного узла, который автор не сумел искусно развязать» [16. С. 240].

В центре комедии Толстого семья помещика Прибышева, которая и подвергается «заражению» новыми, т.е. нигилистическими, идеями. Сам хозяин поместья пытается вести хозяйство согласно требованиям прогресса и прислушивается к молодому поколению: «...считают меня и консерватором и ретроградом, а я сочувствую всему» [6. Т. 7. С. 194]. Дочь Прибышева Любочка («совсем не развитая девочка» [6. Т. 7. С. 187], по мнению нигилистов) принимает ухаживания чиновника Венеровского, который также причисляет себя к «новым людям», но при этом состоит на службе и не прочь получить состояние героини. Другой тип нигилиста, который признается исследователями откровенной карикатурой на Чернышевского, представляет учитель младшего сына Прибышева Петруши, бывший семинарист Твердынский. Примечательно, что два представителя «новых людей» – Венеровский и Твердынский – крайне неприязненно относятся друг к другу. Наконец, племянница Прибышева Катерина Матвеевна Дудкина являет собой гротескный тип эмансипированной женщины («стриженная, в очках, в коротком платье» [6. Т. 7. С. 185], с папироской). В финале к нигилистам пытается примкнуть и Петруша, решающий оставить семью и жить в коммуне, однако на ближайшей почтовой станции его, находящегося в сильном опьянении, нагоняет и забирает домой отец.

Можно констатировать, что одна из двух задач Толстого – показать нигилистов как людей недалеких, малообразованных, корыстных, двуличных, а подчас просто аморальных – была реализована в комедии достаточно успешно. Сложнее обстоит дело с женскими образами. В начале произведения обе героини – и легкомысленно-капризная Любочка, и Катерина Матвеевна с ее грубыми манерами и бесконечными разговорами про прогресс и свободу человека – являются, безусловно, комедийными персонажами. Однако их наивность и самоуверенность очень скоро терпят крах: обе понимают истинную сущность «новых людей», и ужас от этого прозрения наполняет характеры героинь совершенно некомедийным драматизмом. Страстные монологи Катерины Матвеевны во время разговора с

---

¹ В начале февраля 1864 г. Толстой, будучи в Москве, пригласил к себе Островского и прочел ему свою комедию. Отзыв драматурга был сдержанным: он заметил, что в пьесе «мало действия и что ее надо обработать»; в письме же к Н.А. Некрасову Островский высказывается резко критично: «Это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения» (цит. по: [6. Т. 7. С. 393]).

Твердынским выдают ее глубокое и искреннее страдание от одиночества и неопределенности собственного пути: «А нам, женщинам, как устроить свою жизнь?» [6. Т. 7. С. 251].

Еще более интересной представляется эволюция образа Любочки – впрочем, не столько реализованная, сколько намеченная Толстым. Именно эта героиня может быть сопоставлена с образом Ромолы в силу того, что также является «фокусом» сюжетного действия. В мире всеобщего «заражения» новыми идеями Любочка представляет собой «*tabula rasa*», и это беспокоит практически всех персонажей. В начале одной из черновых рукописей няня заявляет: «...и она испортится, помяните мое слово» [6. Т. 7. С. 296]. Все героини-нигилисты последовательно повторяют мысль о «неразвитости» Любочки; при этом Венеровский решает жениться на ней, а Твердынский пытается за Любочкой ухаживать. Отец героини, увлеченный прогрессивными идеями, мечтает, что она «замуж выйдет... за нового, современного человека» [6. Т. 7. С. 194]. И именно долгожданное замужество Любочки открывает глаза практически всем героям на истинный облик «новых людей» и приводит к прозрению и частичному излечению семьи Прибышевых от «заражения».

Любочка более всех в комедии испытывает на себе влияние разных идей и открыта им. Каждый из мужчин-нигилистов пытается просветить, «развить» героиню. В одном из вариантов комедии есть эпизод, когда Любочка подходит к Твердынскому и Петруше во время их занятий историей и спрашивает: «Давайте, я буду развиваться у вас. Можно?» [6. Т. 7. С. 308]. Впрочем, героиня почти сразу заявляет, что история – это «скучно». Данный эпизод любопытен еще и в силу того, что в разговоре Твердынского с Петрушей упоминаются имена историков, причем акцент делается на англичанах – Маколее и Бокле. В более позднем варианте комедии тот же герой-нигилист советует Катерине Матвеевне почитать Льюиса («Льюса»¹ [6. Т. 7. С. 196]), что становится еще одним звеном, связывающим произведение Толстого с Элиот: философ, писатель и критик Джордж Генри Льюис был, как известно, ее гражданским мужем².

С гораздо большим энтузиазмом Любочка относится к программе воспитания, которую начинает осуществлять Венеровский, став ее женихом: героиня читает его статьи (в более ранних рукописях – еще и книги Жорж Санд), посещает открытую им школу, просит рассказывать о его воззрени-

---

¹ Твердынский имеет в виду «Физиологию обыденной жизни» Дж. Льюиса – один из первых в мире научно-популярных трудов по медицине (1859). Книга была переведена на русский язык в 1861 г. (и затем переиздавалась в 1863 и 1876 гг.) и приобрела огромную популярность. В одном из вариантов «Анны Карениной» ее будет читать и главная героиня романа.

² У нас нет прямых подтверждений тому, что Толстому был известен этот факт, однако он мог знать о семье Льюиса и Элиот от Тургенева, имевшего обширные знакомства в литературных кругах Лондона начиная со второй половины 1850-х гг. С Льюисом Тургенев учился в 1838 г. в Берлине (см.: [17. Т. 7. С. 68]), а в 1870-е гг. писатель неоднократно бывал в их доме и состоял в переписке с Джордж Элиот.

ях. Любочка искренне желает устроить свою семейную жизнь на принципах свободы, о которых ей твердит Венеровский: «У нас с вами все будет особенное, с новыми идеями» [6. Т. 7. С. 237].

Однако сразу после свадьбы, когда Венеровский решает не заезжать в дом к родителям Любочки, чтобы избежать глупой «проседуры» [6. Т. 7. С. 275] и не видеть «людей нечестных, апатичных и врагов всего нового» [6. Т. 7. С. 275–276], героиня начинает осознавать свою ошибку. За новыми идеями ее мужа она ясно различает самовлюбленность и презрение к окружающим («Ах, только о себе!..» [6. Т. 7. С. 278]). Столь же стремительно, как осуществилось ее разочарование в своем избраннике, приходит и решение: в тот же вечер, во время кульминационной сцены на станции, Любочка просит отца забрать ее с собой и покидает Венеровского. На этом комедия Толстого заканчивается.

Недоумение, которое вызывает этот финал, совершенно оправданно: уход от мужа – не характерная для Толстого развязка, она никак не может быть оценена писателем позитивно и стать выходом из драматической ситуации. Вспомним «Анну Каренину»: здесь симпатия автора явно находится на стороне Долли, несчастливой в семейной жизни, но верной своему долгу жены и матери. Поступок же Анны, при всем сочувствии к ней писателя, оборачивается катастрофическими последствиями. Однако сопоставление «Зараженного семейства» с романом Элиот позволяет объяснить нехарактерный финал тем, что Толстой переносит в свою комедию видоизмененный сюжет несчастливого замужества Ромолы.

Обратившись к тексту романа, можно увидеть, что в начале повествования Ромола – молодая девушка «лет семнадцати или восемнадцати» [14] (Любочке восемнадцать лет). Она так же наивна, как и героиня Толстого: «...была совершенным ребенком и ничего не знала, кроме книг отца» [14]. Стоит отметить здесь и одинаковое простодушие отцов героинь: как и Прибышев, слепой ученый Бардо ди Барди не задумываясь соглашается на брак дочери, восхищенный ученостью Тито Мелемы. Между тем крестный отец Ромолы, политик Бернардо дель Неро, сразу распознает характер Тито и предупреждает Бардо: «Этот красивый грек именно такой человек, который легко протрется всюду и обойдет всякого» [14].

Мотив предупреждения играет одинаково важную роль в произведениях. Именно с него начинается комедия Толстого: няня Марья Исаевна, традиционное воплощение народной мудрости, первая угадывает в Венеровском «Любочкиного жениха» и прозорливо прибавляет: «Любочкино-то приданое все сосчитал, небось, так и ездит» [6. Т. 7. С. 183]. Начало отношений Ромолы и Тито омрачено страшным пророчеством: брат Ромолы, постригшийся в монахи вопреки воле отца, перед смертью рассказывает героине свое видение, в котором Ромола выходит замуж за человека, оказавшегося «искусителем», и претерпевает страдания и муки. Ключевые образы этого пророчества действительно будут иметь место в дальнейшей жизни героини.

В романе Элиот разочарование в муже приходит к юной Ромоле спустя полтора года после свадьбы: она чувствует, что муж отдаляется от нее, пренебрегая женой ради «светских удовольствий» [14], необходимых для его политической карьеры. Реальная же причина заключается в другом: строгость нравственных убеждений Ромолы все больше вступает в противоречие с характером Тито. Жизнь, по мнению героя, предназначена для того, чтобы «выжать из нее как можно больше удовольствия» [14], избегая каких-либо серьезных обязательств. Кризис постигает их семейный союз, когда Тито вскоре после смерти Бардо продает его библиотеку. Желание героини сохранить ее он называет «сентиментальными фантазиями», не видя никакого смысла в «бесплодном самопожертвовании памяти мертвых» [14]. По сути, той же риторикой наполнены и реплики Венеровского в разговоре с Любочкой на станции: он, как и Тито, призывает ее отказаться от своего долга к родным, поскольку это неразумно и противно более высоким и истинным ценностям: «Любите все честное, свободное и разумное! Любите те личности, которые соединяют в себе эти качества, и вы будете гуманны; а любить женщину за то, что она произвела вас на свет, не имеет никакого смысла» [6. Т. 7. С. 276].

Образы Тито и Венеровского схожи в главном: к герою Толстого можно в полной мере отнести определение, данное Тито его приемным отцом: «сердце, которое не знало, что такое привязанность» [14]. Обоих отличают высокое мнение о себе, эгоизм, некоторое легкомыслие; оба стремятся вознаградить себя за труды заслуженными удовольствиями. «Ведь я должен же подумать и о себе», – размышляет Тито, принимая решение не выкупать приемного отца из рабства [14].

Подобный монолог, только гораздо более пространный, произносит и Венеровский после помолвки с Любочкой. Комический эффект усиливается тем, что говорит герой с собственным портретом в руках, периодически поглядывая в зеркало. Большая часть размышлений Венеровского сводится к восхищению собой, однако в числе прочего он упоминает и то, что смотрит на женитьбу как на «нелепые обязательства»: «Положим, я понимаю дело так, что и не беру на себя никакого обязательства, но она не понимает этого» [6. Т. 7. С. 211]. В финале же своей речи Венеровский погружается в мечты о будущем, напрочь забывая о «новых идеях» и своем презрении к «пошлости» дворянской жизни: «Довольно я поработал для блага общественного. Можно отдохнуть, и отдохнуть не одному, а с этим свеженьким цветком...» [6. Т. 7. С. 212].

Последнюю часть размышлений героя выделим отдельно, поскольку она представляется бесспорным косвенным доказательством того, что Толстой был знаком с романом «Ромола» до начала работы над комедией. В своих мечтах герой отправляется с молодой женой в путешествие по Италии, и не куда-нибудь, а во Флоренцию, причем себя Венеровский видит непременно «в черном английском фраке» [6. Т. 7. С. 213] (позже на свадьбу он, вспомнив об убеждениях, надевает простой повседневный сюртук):

Отчего же мне не поехать за границу, не поселиться *в Италии*¹, с молодой женой, в лучшем отеле остановиться? Прогулки... Она в шелку и бархате, свеженькая, хорошенькая, на рысаках, в коляске; рядом замечательный и красивый мужчина. Или вечером, она в открытом платье, открытые плечи. Пускай смотрят из партера. В бенеуаре, *во Флоренции*, она и я, мужчина в черном *английском фраке*, просто, достойно... [6. Т. 7. С. 213].

Однако мечтам молодых героев о счастливой семейной жизни не суждено сбыться. В момент прозрения героини бросают им одинаковое обвинение. «Вы подлец!»², – говорит Ромола, узнав о продаже библиотеки [14]. «Венеровский, вы подлец», – кричит Катерина Матвеевна в ответ на жалобы Любы, решаясь раскрыть правду о своих отношениях с героем [6. Т. 7. С. 292]. Кстати, наличие второй женщины – обманутой и отвергнутой Венеровским Катерины Матвеевны и глупенькой Тессы, которая становится тайной женой Тито, – также сближает героев Толстого и Элиот.

Характерно, что в момент кризиса оба героя не понимают глубины потрясения их спутниц. Тито «полагал, что он в силах загладить все своими ласками и нежностью» [14]. Венеровский спокойно отвечает расстроенной Любочке: «...я никогда не буду сердиться на вас. Что бы вы ни совершили, я только буду искать, – найду причину и постараюсь устранить ее» [6. Т. 7. С. 278]. Однако отношение героинь кардинально меняется: Ромола решается бежать от «ненавистного, презренного человека» [14]; последние слова Любочки в комедии: «...я не хочу быть вашей женой, я ненавижу вас...» [6. Т. 7. С. 293].

На этом история Любочки заканчивается, и трудно судить об уроках, которые вынесла героиня из своего неудачного брака. Очевидно, что Любочка могла бы приблизиться к характерному для Толстого типу совершенствующейся героини³, однако этот потенциал образа не был реализован в комедии в полной мере, как и «тема взросления молодой женщины» [19. Р. 82], которую американский исследователь Генри Олли считает постоянной в творчестве Элиот. Возможно, психологизации образа Любочки помешала как раз драматургическая форма произведения: как замечает А.М. Зверев, «“диалектика души” не развивалась и не раскрывалась в скудных диалогах персонажей» [20. С. 727–728].

Тем не менее сюжет побега молодой женщины из дома, схожий с попыткой бегства Ромолы от мужа, в комедии также присутствует, только связан он уже с другим женским образом – Катерины Матвеевны. Причиной этого побега становится тот же Венеровский, с которым ее когда-то связывали близкие отношения и на замужество с которым героиня втайне надеялась. Женитьба Венеровского на Любочке глубоко потрясает ее и побуждает оставить дом Прибышевых. И здесь устремления Катерины Матвеевны поразительно схожи с теми, которые возникают у Ромолы в

---

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш.

² В оригинале «treacherous man» – предатель, вероломный человек.

³ См. об этом подробнее: [18].

момент ее первого, неудавшегося бегства из дома. Обе ищут свободы от «гнета презренного ума» [14] мужчин, в которых разочаровались. Катерина Матвеевна просит Твердынского: «Научите меня, куда бежать, где мне будет легче дышать. Здесь душит меня все окружающее»¹ [6. Т. 7. С. 251]. Ромола уходит из дома, чувствуя, что «вступает в новую жизнь – жизнь, полную одиночества, труда и терпения, но зато жизнь вольную, свободную» [14].

Желание трудиться, и притом заниматься интеллектуальным трудом, – еще одна черта, объединяющая героинь. Катерина Матвеевна собирается присоединиться к коммуне и работать там «над своим сочинением о значении женского умственного труда» [6. Т. 7. С. 253]. Ромола решает «отправиться к ученой женщине на свете – к Кассандре Феделе в Венецию и спросить ее, как одинокой ученой женщине прокормить себя»; она надеется, что «будет работать, и может быть ее ученые труды спасут имя отца ее от забвения» [14]. Обе героини пишут прощальные письма: Ромола – мужу и крестному, Катерина Матвеевна – своему дяде Прибышеву.

Однако этим побегам не суждено свершиться: Ромолу останавливает Савонарола, призывая ее вернуться «к своему долгу» [14]; героиня Толстого терпит очередное потрясение от низости намерений Твердынского, который еще полдня назад казался ей спасителем. В силу особенностей драматургического текста Толстой вновь «сжимает» сюжетное пространство, поскольку этот второй кризис, постигший наивную и восторженную нигилистку, может быть сопоставим с последующим разочарованием Ромолы в своем новом учителе. Два года спустя она понимает эгоизм и двуличие Савонаролы, готового пожертвовать жизнью невинных людей ради власти и торжества своего дела. Ромола снова бежит из Флоренции, и вновь ее смятенное состояние в русском переводе романа буквально перекликается с репликами Катерины Матвеевны в финале пьесы:

«Ромола»	«Зараженное семейство»
Снова <i>горе и отчаяние</i> наполняли ее сердце. <...> Для женщины, сознающей, что ее любовь была лишь <i>ошибка</i> , нет и не может быть утешения. <...> ...Жизнь, полная трудов и печалей, только <i>тяготила</i> ее. Она искала отдыха, она искала <i>забвения</i> ² [14].	Да, голубчик, я сознаю свое <i>заблуждение</i> . Я прошу <i>забвения</i> . Я <i>несчастливая</i> женщина, голубчик. <...> Полчаса назад я считала себя выше всех в мире, а теперь я <i>несчастное, жалкое</i> и презренное существо [6. Т. 7. С. 290, 292].

¹ В оригинальном тексте Элиот фраза «гнет презренного ума» звучит как «the breath of an odious mind stifling her own» [15] – буквально «дух (дыхание) отвратительного ума (взглядов), душащий ее собственный». Таким образом, Толстой почти буквально повторяет эту метафору в реплике Катерины Матвеевны.

² «A new rebellion had risen within her, a new despair. <...> There is no compensation for the woman who feels that the chief relation of her life has been no more than a mistake. <...> She had done enough; she had striven after the impossible, and was weary of this stifling crowded life. She longed for that repose...» [15].

И здесь Толстой вновь останавливается: история Катерины Матвеевны завершается ее раскаянием, однако непонятно, что героиня будет делать дальше. Хотя ей и стыдно за свою глупость и презрение к родным (на это указывает само изменение характера речи), очевидно, что радикального возврата к традиционным ценностям не предвидится. Об этом говорит последняя реплика Катерины Матвеевны в сторону Венеровского: «И это адепт нового ученья! Нашего!» [б. Т. 7. С. 293].

Действие «Ромолы», напротив, продолжается: в последней части романа героиня находит наконец свой путь. Она тоже раскаивается в бегстве, но этот опыт помогает Ромоле понять свою нужность людям. После спасения жителей чумной деревни героиня перестает искать какой-либо высшей поддержки или оправдания своей жизни: «...она просто жила этим сочувствием к горю и несчастью, она просто делала то, что следовало, и не искала причины, зачем ей жить, зачем терпеть, зачем работать» [14]. Очевидно, что выражение такой философии очень напоминает любимый афоризм Толстого: «Делай, что должно, и будь, что будет». Второй, не менее значимой частью жизни Ромолы становится забота о близких. Вернувшись в родной город, героиня Элиот узнает о смерти мужа и немедленно разыскивает его вторую жену Тессу, ее двоих детей и старую няню. Ромола перевозит их в свой дом и заботится о них как о собственной семье. Беседой с малышом Лилло, в котором героиня суммирует открытые ею нравственные истины, и завершается роман.

Почему же в комедии Толстого, имеющей достаточно явные переключки с сюжетом «Ромолы», не отражена эта последняя, самая важная часть? Очевидно, что писателю вовсе не нужен был своеобразный «выход» его героинь за пределы семейного круга, самореализация в социальной сфере. Напротив, любое стремление женщины к труду в социуме, за рамками семейного круга, было для него в тот момент объектом осмеяния, относилось к той области, в которой существовали карикатурно изображенные в пьесе нигилисты. Недавнее создание собственной семьи, рождение детей, работа над замыслом «Войны и мира» с его ярко выраженной «мыслью семейной» – все это приводит Толстого к единственно возможному в этот период ответу на «женский вопрос»: для женщины не может быть иного пути самореализации, кроме как в семье.

Эти идеи писатель будет неоднократно высказывать и в последующие годы. В 1868 г. в неоконченной и неопубликованной заметке «О браке и призвании женщин» Толстой заявляет: «Призвание матери (высшее, по моему убеждению) имеет свойство всех серьезных человеческих призваний» [б. Т. 7. С. 135]. В 1870 г. в неотправленном письме к Н.Н. Страхову он безапелляционно развивает мысль о том, что «отрожавшая женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина... на этих женщин без контор, кафедр и телеграфов всегда есть и было требование, превышающее предложение. – Повивальные бабки, няньки, экономки, распутные женщины. ... Всякая несемейная женщина, не хотящая распутничать телом и душою, не будет искать кафедры, а пойдет насколько умеет помогать ро-

дильницам. <...> Не знаю, почему для достоинства женщины – человека вообще выше передавать чужие депеши или писать рапорты, чем соблюдать состояние семьи и здоровье ее членов» (61, 232).

Эти же мысли Толстой будет развивать и в романе «Анна Каренина» (1873–1877): вспомним дискуссию о женском вопросе во время ужина у Облонских, где Левин делает предложение Кити. Примечательна и сама эволюция этой героини, которая после измены Вронского переживает сильнейший душевный кризис и находит исцеление в общении с добродетельной Варенькой, помощницей всех больных на немецком курорте. Самопожертвование и помощь страждущим на время становятся смыслом жизни и для Кити, однако очень скоро она разочаровывается в этой деятельности, не чувствуя искреннего к ней призвания. Кити возвращается в Россию и реализует себя в семье, в деятельной помощи мужу в полном соответствии с идеалами Толстого. Таким образом, в «Анне Карениной» можно также уловить отзвуки скрытой полемики со взглядами Элиот на предназначение женщины, которое, по мысли писательницы, всегда шире и сложнее традиционного внутрисемейного круга жизни.

Нельзя, однако, сказать, чтобы взгляды Толстого на назначение женщины не претерпевали изменений. Очевидно, что уже в тексте «Войны и мира» этот вопрос решается иначе, чем в декларативном эпилоге. И княжна Марья, и особенно Наташа проявляют самоотверженность во имя близких, но одновременно участвуют и в судьбе страны – можно вспомнить и знаменитый эпизод освобождения подвод для раненых, и отказ княжны Марьи сдать на милость французам, и живое сочувствие Наташи деятельности Пьера Безухова в финале романа. Не говоря об этом прямо, Толстой фактически предлагает свой собственный вариант решения «женского вопроса», когда создает своих лучших героинь с их мощным нравственным влиянием на окружающих, способностью к саморазвитию и острому сопереживанию, соучастию в жизни других людей и народа в целом.

Эволюция взглядов Толстого очевидна и в позднем романе «Воскресение», где речь уже идет вовсе не о реализации женщины в семье, а о сохранении ее человеческого достоинства, о праве на достойную жизнь и отношение в обществе. Во многом этот роман становится возвращением к тому, о чем думал Толстой в 1860-е гг., – не случайно американская исследовательница Ани Кокобобо определяет его как «антироман» [21]. Решение Катюши Масловой отказаться от брака с Нехлюдовым ради политического ссыльного Симонсона, который любит ее «как прекрасного, редкого, много страдавшего человека» (32, 404), становится совсем иным ответом Толстого на «женский вопрос», чем за полвека до того.

Проведенный анализ дает все основания утверждать, что мощный интеллектуальный и нравственно-философский пафос романа «Ромола», написанного на историческом материале, мог стать для Толстого стимулом для создания произведения о «новых людях» и одновременно площадкой для выражения своих взглядов на роль и призвание женщины. Видоизменяя сюжет романа Элиот, писатель фактически изымает из него только од-

ну линию, касающуюся несчастливого замужества героини, и при этом уделяет внимание борьбе идей, которая разворачивается вокруг нее. Фактически комедия Толстого – это повествование о столкновении семейных и внесемейных ценностей: на это указывает уже само заглавие – «Зараженное семейство». Увлеченные новыми идеями героини одинаково несчастливы, у них нет жизненной цели и, соответственно, никакой перспективы – такова, по сути, мораль произведения Толстого. Но осмеивая дурное, писатель не высказывает здесь четкой позиции: каким должно быть предназначение женщины. Именно эта недосказанность вкупе с явной незавершенностью образов и могла быть причиной того, что Толстой не стал дорабатывать комедию, а вернулся к замыслу романа-эпопеи «Война и мир».

Тем не менее образы романа Элиот, а особенно его сюжет, построенный на череде драматических кризисов в жизни и мировоззрении героини, могли вызвать у Толстого живой отклик. «Зараженное семейство» стало важным этапом, предваряющим создание «Войны и мира», и многие идеи, не реализованные в комедии, вырастают в романе в целостные сюжетные линии, связанные с любимыми героями писателя. Определенный отклик на проблематику как пьесы, так и романа Элиот можно увидеть и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной». Роман «Ромола», таким образом, оказывается созвучен всему последующему творчеству Толстого и мог способствовать реализации многих ключевых идей русского писателя.

Список источников

1. *Проскурнин Б.М.* Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот. Пермь, 2005. 144 с.
2. *Саводник В.Ф.* История писания комедии «Зараженное семейство» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 7. С. 389–406.
3. *Romola* / By George Eliot. Leipzig, Bernhard Tauchnitz, 1863. 2 vol. (Collection of British Authors; vol. 682–683). (МЗЯП КП – 1802/283).
4. *Carpenter M.W.* George Eliot and the Landscape of Narrative Form and Protestant Apocalyptic History. The University of North Carolina Press, 1986. 246 p.
5. *Новые книги* // Русское богатство. 1912. № 12. С. 376–403.
6. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
7. *Ромола.* Новый роман Элиота: От переводчика // Отечественные записки. 1863. № 150. С. 287–291.
8. *Дружинин А.В.* «Ромола», роман из флорентийской жизни конца XV столетия, Джордж Эллиота // Собр. соч. СПб., 1865. Т. 5. С. 449–458.
9. *Eliot G.* Romola. М. : Т8RUGRAM, 2017. 614 с.
10. *Бахтин М.М.* Толстой-драматург: Черновые записи. URL: <https://fil.wiki-reading.ru/59662> (дата обращения: 31.01.2021).
11. *Бахтин М.М.* Толстой-драматург: Предисловие. URL: <https://fil.wiki-reading.ru/59660> (дата обращения: 31.01.2021).
12. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Шестидесятые годы // Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 353–559.
13. *Полякова Е.И.* Театр Льва Толстого: драматургия и опыты ее прочтения. М., 1978. 343 с.
14. *Ромола.* Новый роман Элиота // Отечественные записки. 1863. № 9–12. URL: http://az.lib.ru/e/eliot_d/text_1863_romola-oldorfo.shtml (дата обращения: 07.02.2021).

15. Eliot G. Romola. URL: <http://gutenberg.org/files/24020/24020-h/24020-h.htm> (дата обращения: 28.01.2021).
16. Красносельская Ю.И. «Дух 1856 года» и комедия Л.Н. Толстого «Зараженное семейство» // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.И. Журавлевой. М., 2013. С. 239–251.
17. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1982–.
18. Гнюсова И.Ф. Совершенствующая героиня в творчестве Джордж Элиот и Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 17–24.
19. Alley H. The Quest for Anonymity: The Novels of George Eliot. London, 1997. 182 p.
20. Зверев А.М. Драматургия Толстого // Зверев А.В., Туниманов В.А. Лев Толстой. М., 2006. С. 722–753.
21. Кокобобо А. Роман Толстого «Воскресение» как антироман // Лев Толстой и мировая литература : материалы VII Междунар. науч. конф. Тула, 2012. С. 133–142.

References

1. Proskurnin, B.M. (2005) *Idei vremeni i zrelye romany Dzhordzh Eliot* [Ideas of Time and Mature Novels of George Eliot]. Perm: Perm State University.
2. Savodnik, V.F. (1936) *Istoriya pisaniya komedii "Zarazhennoe semeystvo"* [The history of writing the comedy "The Infected Family"]. In: Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 389–406.
3. Eliot, G. (1863) *Romola: in 2 volumes*. Vol. 2. Leipzig: Bernhard Tauchnitz.
4. Carpenter, M.W. (1986) *George Eliot and the Landscape of Narrative Form and Protestant Apocalyptic History*. The University of North Carolina Press.
5. Anon (1912) *Novye knigi* [New books]. *Russkoe bogatstvo*. 12. pp. 376–403.
6. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Anon (1863) *Romola*. *Novyy roman Eliota*. *Otechestvennye zapiski*. 150. pp. 287–291.
8. Druzhinin, A.V. (1865) "Romola", roman iz florentiyskoy zhizni kontsa XV stoletiya, Dzhordzh Elliota ["Romola", a novel from Florentine life at the end of the 15th century, by George Eliot]. In: Druzhinin, A.V. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 5. / Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 449–458.
9. Eliot, G. (2017) *Romola*. Moscow: T8RUGRAM.
10. Bakhtin, M.M. (2021) *Tolstoy-dramaturg. Chernovye zapisi* [Tolstoy as a playwright. Draft entries]. [Online] Available from: <https://fil.wiki-reading.ru/59662> (Accessed: 31.01.2021).
11. Bakhtin, M.M. (2021) *Tolstoy-dramaturg. Predislovie* [Tolstoy as a playwright. Preface]. [Online] Available from: <https://fil.wiki-reading.ru/59660> (Accessed: 31.01.2021).
12. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy. Shestidesyatye gody* [Leo Tolstoy. The sixties]. In: Eykhenbaum, B.M. *Lev Tolstoy: Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy: Research. Articles]. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University. pp. 353–559.
13. Polyakova, E.I. (1978) *Teatr L'va Tolstogo: dramaturgiya i opyty ee prochteniya* [Theater of Leo Tolstoy: drama and experiences of reading it]. Moscow: Iskusstvo.
14. Anon (1863) *Romola*. *Novyy roman Eliota* [Romola. Eliot's new novel]. *Otechestvennye zapiski*. 9–12. [Online] Available from: http://az.lib.ru/e/eliot_d/text_1863_romola-oldorfo.shtml (Accessed: 7.02.2021).

15. Eliot, G. (1863) *Romola*. [Online] Available from: <http://gutenberg.org/files/24020/24020-h/24020-h.htm> (Accessed: 28.01.2021).

16. Krasnosel'skaya, Yu.I. (2013) "Dukh 1856 goda" i komediya L.N. Tolstogo "Zarazhennoe semeystvo" ["The Spirit of 1856" and comedy L.N. Tolstoy "Infected family"]. In: Zykova, G.V. & Penskaya, E.N. (eds) *Russkaya drama i literaturnyy protsess. K 75-letiyu A.I. Zhuravlevoy* [Russian drama and literary process. To the 75th anniversary of A.I. Zhuravleva]. Moscow: Sovpadenie. pp. 239–251.

17. Turgenev, I.S. (1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Letters: in 18 volumes]. Moscow: Nauka.

18. Gnyusova, I.F. (2013) Perfecting female character in George Eliot's and Leo Tolstoy's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 17–24. (In Russian).

19. Alley, H. (1997) *The Quest for Anonymity: The Novels of George Eliot*. University of Delaware Press.

20. Zverev, A.M. (2006) Dramaturgiya Tolstogo [Dramas of Tolstoy]. In: Zverev, A.V. & Tunimanov, V.A. *Lev Tolstoy* [Leo Tolstoy]. Moscow. pp. 722–753.

21. Kokobobo, A. (2012) [Tolstoy's novel "Resurrection" as an anti-novel]. *Lev Tolstoy i mirovaya literatura* [Leo Tolstoy and world literature]. Proceedings of the 7th International Conference. Tula: Yasnaya Polyana. pp. 133–142.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2021;
одобрена после рецензирования 29.09.2021; принята к публикации 22.04.2022.*

*The article was submitted 09.02.2021;
approved after reviewing 29.09.2021; accepted for publication 22.04.2022.*